

НАША ИСТОРИЯ

УДК 027.2(09)

DOI 10.33186/1027-3689-2019-5-104-116

В. П. Леонов

Библиотека РАН

Библиотека Академии наук – 300 лет служения читателю

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на международной конференции Библиотеки РАН 23 ноября 2018 г. Автор поставил цель – с помощью метода портретирования запечатлеть образ БАН и её читателей в узловые моменты их жизни на протяжении трёх столетий. Предложены три портрета БАН и её читателей. Первый (1718–1917) показывает её рождение и формирование академического книгохранилища. Подчёркнуто влияние власти в укреплении международных связей БАН с библиотеками Западной Европы. Отмечена активная роль читателей в её развитии. Второй портрет (1917–1991) представляет БАН как базу развития отечественной науки. Русская наука заняла почётное место в мире и снискала уважение. Идеология БАН направлена на научные интересы читателей. Охарактеризованы роль библиотеки в годы Великой Отечественной войны, новый состав читателей и специфика читательских запросов. Приведены сведения о читателях БАН в послевоенные годы. Особо рассмотрена деятельность библиотеки и её читателей по ликвидации последствий февральского пожара 1988 г. Портрет третий (1991–2018) характеризует БАН и её читателей в современных условиях. Обращено внимание на то, что библиотека бережно сохраняет традиции и продолжает оставаться уникальным книгохранилищем не только для отечественной, но и мировой науки и культуры.

Ключевые слова: Библиотека РАН, российская наука, библиотека, фонды, каталоги, портретирование читателей, обслуживание читателей.

LIBRARY HISTORY

UDC 027.2(09)

DOI 10.33186/1027-3689-2019-5-104-116

Valery Leonov

Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg, Russia

The Academy of Sciences Library – 300 years serving the readers

The article presents a paper delivered at the International Conference of the Russian Academy of Sciences Library (BAN) on November 23, 2018. The purpose of the paper is to capture the image of the BAN and its reader at key moments of their life over three centuries with method of portraying. The author gives three portraits of the BAN and its readers. The first portrait (1718–1917) shows birth and formation of the library as a national and academic book depository. It emphasizes influence of the authorities in strengthening international relations with libraries in Western Europe. It notes the active role of readers in its development. The second portrait (1917–1991) is devoted to the BAN as the basis for the development of the Russian science that occupied an honored place in the world and gained respect for the works of its readers. The ideology of the BAN was focused on their scientific interests. The article characterizes the role of the library in the years of the Great Patriotic War, the new readership and the specificity of readers' requests. It provides information about the readers of the BAN in the postwar years. It considers the activities of the library and its readers in eliminating the consequences of the February 1988 fire. The third portrait (1991–2018) characterizes the BAN and its readers in modern conditions. Attention is paid to the fact that the library carefully preserves the traditions and continues to remain a unique book depository not only to the national, but also to the world science and culture.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, reading, russian science, library, collections, catalogues, portraying of readers, reader service.

Out of 304 years, the library of Academy of sciences has lived for two centuries under the “old regime”; in 1917 she was 203 years old. Constant services in the Library began in 1718 – four years after its establishing. The collection over 5 thousand books was in all European languages, including Russian. Russian book then occupied a modest place. The first readers of the Library from 1718 to 1725 were representatives of the nobility (J. Bruce, A. Osterman, Princess Anna, Baron G. von Güssen); the highest strata of the clergy (Feofan Prokopovich, A. Kondoidi); diplomats and scientists (L. Lang, V. Tatishchev); researchers of the Academy of Sciences (L. Blumentrost, I. P. Kohl, I. V. Pause, I. D. Schumacher, F. Gmelin). Russian reader will appear later. In 1726–1728 there were 39 readers, 170 visits, and lended 557 books. Monthly use was legalized by the order of President Razumovsky in 1750, it is still active today. The number of readers is falling: the peak of visits falls on the 1730s. (102 readers), in the 1760–1770s. there were

only 25 people. This is explained by the fact that academics established their own libraries. In the XIX century. The Academy of Sciences, adopted a new Charter (1803), its activities began to bear more research than educational nature; a whole network of universities and scientific societies arose in the country. In the 1930s many Soviet scientists began their research at our library. The collapse of the Soviet Union, the shock of the economic and ideological foundations of the former life affected the readers. A steady decline in their numbers began. Such categories of readers as laboratory assistants, interns-researchers, junior research associates disappeared; the “engineer” and “teacher” were rarely met. There are new categories: masters, bachelor, entrepreneur, representatives of commercial enterprises and even the unemployed. As for 2017: we have total readers – 11,807; in the Central library – 4,221, in the libraries of the network – 7,586; average age is 25–45 years; reading experience – from 5 to 15 years. In the field of scientific interests of readers dominated by philological and historical sciences – 29%. How to live on? Of course, you need to think about how to return the reader to the library.

*А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад...*
А. Ахматова. «Читатель»

Эпиграфом к докладу послужили строки Анны Ахматовой из стихотворения «Читатель». При подготовке этого материала у меня росло убеждение, что надо попытаться составить, отобразить живую «читательскую» историю БАН, которая насчитывает уже три столетия. А это может быть достигнуто лишь путём широкого охвата читательской аудитории, сведения воедино и последующего представления наиболее характерных фактов читательских биографий, выбранных из разнообразных источников.

Такой метод я назвал *портретирование*, т.е. выборочное изображение самого, на мой взгляд, главного. Любой портрет, опуская подробности, передает индивидуальное, главное в Библиотеке и её читателе. Другими словами, я попытаюсь запечатлеть образ БАН и её читателя в какой-то важный, узловый момент их жизни, когда он отражает пережитое и позволяет надеяться на будущее. Поэтому я избрал путь воссоздания портрета Библиотеки Академии наук и её читателя.

Три столетия жизни Библиотеки поровну разделены между XVIII, XIX и XX вв. Но важнее другой рубеж – некалендарный. Из 304 лет БАН прожила два столетия при «старом режиме»; в 1917 г. ей исполнилось 203 года. 74 года пришлось на времена советской власти (до 1991 г.), и 27 лет мы живём в иных условиях. Далее я буду следовать некалендарному рубежу.

Итак, по словам Анны Ахматовой, *«Есть три эпохи у воспоминаний, – и первая – как бы вчерашний день»* [1. С. 332]. Как же локализируются воспоминания? С помощью ориентиров, которые мы носим в себе. Библиотека, фонды, каталоги, библиотекари, читатели – это всё ориентиры воспоминаний. Они сотворили её, сформировали её образ. И сегодня, 300 лет спустя, БАН может показать читателю не только то, как её понимали современники, но и как они её не понимали, что тоже немаловажно.

У БАН не было предшественников! Исследователи и учёные разных научных школ и направлений по-разному пытались оценить её жизненный путь. Выводы их были противоречивыми.

Сегодня, как и прежде, для одних читателей БАН – специальное научное подразделение для обеспечения главным образом историко-культурных исследований. Для других – одна из многочисленных служб РАН. Для третьих – это самостоятельное научное учреждение на правах исследовательского института РАН.

Нетрудно понять, как сложно ориентироваться библиотекарям и читателям, когда эти три концепции в реальной жизни пересекались и продолжают пересекаться.

Обратимся к истокам – к первой, *романтической, эпохе* воспоминаний. Напомню строки Анны Ахматовой:

*Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая – как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным,
И тело в их блаженствует тени
...Но это продолжается недолго...*

Портрет первый: 1718 год. На церемонии открытия Библиотеки *«...знатнейшие посетители... были угощаемы кофеем, венгерским вином, цукербротом и, смотря по годовому времени, разными плодами (но только после осмотра коллекции. – В. Л.); посредственных же людей водили... суб-библиотекарь или другой служитель»*... Потом это стало традицией и

«...определено было Библиотекарю сверх сего годового жалования еще 400 рублей в год на упомянутое угощение».

Постоянное обслуживание читателей в Библиотеке началось в 1718 г. – четыре года спустя после её основания. Почва была подготовлена. Фонд насчитывал более 5 тыс. книг на всех европейских языках, включая русский. Русская книга занимала тогда скромное место.

Кто же были они – первые читатели общедоступной Библиотеки с 1718 по 1725 г.? В это время её посещали *представители знати* (Я. Брюс, А. Остерман, цесаревна Анна, барон Г. фон Гюйссен); *представители высших слоев духовенства* (Феофан Прокопович, А. Кондоиди); *дипломаты и учёные* (Л. Ланг, В. Татищев); *сотрудники создаваемой в Петербурге Академии наук* (Л. Блюментрост, И. П. Коль, И. В. Паузе, И. Д. Шумахер, Ф. Гмелин).

Русский читатель появится позже.

После торжественного открытия Библиотеки было установлено, что она будет открыта для посетителей два раза в неделю: во вторник и в пятницу от *«2 до 4 часа»*. Однако двух дней в неделю было мало. Ещё при Екатерине I, как видно из «Инструкции академикам и другим служащим в Академии», предполагалось открыть Библиотеку четыре раза в неделю с 9 до 11 часов дня. В инструкции говорится, что в эти дни и часы *«всяк свободно приходит может...»*. Таким образом, подтверждалось указание Петра I о свободном доступе для всех в библиотеку.

При выдаче книг в журнале отмечалась её дата, записывались названия книг и фамилии лиц, их получивших, причём читатели расписывались (не всегда) в получении литературы. Записи велись небрежно, иногда карандашом. При возвращении книг записанное перечёркивалось или делалась соответствующая отметка.

В 1726–1728 гг. в Библиотеке было 39 читателей. За это время отмечено 170 посещений, взято 557 книг. Месячный срок пользования книгами из Библиотеки был узаконен распоряжением президента Академии наук графа К. Г. Разумовского от февраля 1750 г. Он действует и поныне.

Сохранился письменный рапорт 1755 г. от переводчика императорского кабинета адъюнкта С. Савицкого о допущении его *«к чтению и выписыванию разных книг в академической библиотеке в послеобеденное время и об определении к тому пристойной камеры»*. Упомянутая «пристойная камера» была не чем иным, как началом читальных залов Библиотеки.

Начиная с 1740-х гг. формируется собственная российская наука, появляются первые русские академики, в 1741 г. М. В. Ломоносов избран членом Академии. Он был активным читателем Библиотеки. Читали в ней и другие академики: Котельников, Крашениников, Гришов, Румовский, Миллер, Фишер, Эпинус, Паллас, Озерецковский, Иноходцев, Георги, Гмелин, адъюнкты Севастьянов, Стриттер, Гакман, Буссе, а также администрация Академии

наук (Разумовский, Теплов, Шумахер, Тауберт), профессора и студенты Академического университета, учителя и ученики Академической гимназии, переводчики.

Журналы выдачи книг во второй половине XVIII в. стали вести особенно небрежно, многие выдачи оформлялись в виде расписок на клочках бумаги – большинство их не сохранилось. Число читателей падает: пик посещений приходится на 1730-е гг. (102 читателя), в 1760–1770 гг. исследователи фиксируют всего 25 человек. Объясняется это тем, что академики и знать заводили собственные библиотеки, а доступ в Библиотеку посторонним, неакадемическим, читателям был сильно затруднён. Из посторонних активно пользовались Библиотекой архитектор Ю. Фельтен, писатель Сумароков, историк Щербатов, а также фаворит Екатерины II Потёмкин, интересовавшийся восточным вопросом при подготовке военных и дипломатических шагов на юге империи.

Портрет второй: XIX – середина XX в. Вернёмся к эпохам воспоминаний А. Ахматовой (Вторая эпоха).

*Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов
И нет уже свидетелей событий...
И медленно от нас уходят тени.*

В XIX в. Академия наук, создав отечественные научные кадры, приняла новый Устав (1803 г.), её деятельность стала носить всё более исследовательский, нежели просветительский характер; академический университет и академическая гимназия прекратили своё существование – в стране возникла целая сеть университетов и научных обществ.

Русская наука заняла почётное место в мире и снискала уважение благодаря трудам сотрудников российской Академии наук: Э. Х. Ленца (электромagnetизм), Б. С. Якоби (гальванопластика), В. Я. Струве (астрономия), А. Я. Купфера (метеорология), П. Л. Чебышева (математика), Н. Н. Зинина (органическая химия), К. М. Бэра (биология), И. И. Срезневского (филология), Д. И. Менделеева (химия, экономика, метрология) и других. Многие члены Академии наук были одновременно и профессорами высших учебных заведений.

По Правилам 1836 г. в академической Библиотеке – в специальных кабинетах для чтения – читать книги имел право «всякий образованный человек», а рукописи и редкие издания могли получить те, «кто известен своими учёными занятиями библиотекарям или академикам». Брать же книги на дом

даже члены-корреспонденты Академии наук могли только по поручительству академиков, которые по-прежнему были основными читателями Библиотеки. В середине столетия их уже 42.

В персональные журналы читателей заносились выдачи книг; сами книги имели «кондуиты» – постоянные формуляры, где фиксировались все выдачи. Раз в году наступало «время ревизий», когда все читатели должны были вернуть книги в Библиотеку. Зачастую книги возвращали неаккуратно: например, в 1874 г. было решено посылать должникам особые повестки со взысканием 20 копеек за каждую повестку.

Для посторонних посетителей существовал специальный альбом, где они расписывались при посещении читальных залов. Такой альбом вели с 1856 по 1917 г. С 1870-х гг. были введены «требовательные листки» для получения книг.

К концу XIX в. состав читателей Библиотеки стал более демократичным, в читальных залах занимались врачи, инженеры, военные, библиотекари, книготорговцы; много было студентов, половину из которых составляли слушательницы Высших женских курсов. Посещал читальные залы Библиотеки и будущий глава государства В. И. Ульянов-Ленин: в журналах записи посещений сохранились его автографы за 1891 и 1894 гг.

Библиотека, располагавшаяся тогда в старинном здании Кунсткамеры, сильно страдала от тесноты, была переполнена книгами. Об этом свидетельствует такой факт: директор Русского отделения Библиотеки академик А. А. Шахматов уступил свой кабинет читателям, устроившись со своим рабочим столом между шкафами. Такая ситуация заметно снижала количество читателей.

В начале XX в. из-за войн и революций в стране количество читателей академической Библиотеки надолго сократилось; сказался и переезд БАН в её нынешнее здание: в 1922 г. переехало Русское отделение, Иностранное отделение – к 1924 г., когда торжественно отмечался 200-летний юбилей Академии наук. Особенно редко использовались читателями фонды Иностранного отделения.

Лишь к середине 1920-х гг. в Библиотеку постепенно возвращаются читатели, однако традиционные принципы её работы сохраняются: *«Библиотека не должна брать на себя функции публичной библиотеки, она есть Библиотека исключительно ученая, обязанная обслуживать научные интересы членов академии, ученого персонала её учреждений и ограниченного круга посторонних учёных»*, – так формулировало цели и задачи Библиотеки в 1926 г. её руководство. В те годы, обращаясь к фондам Библиотеки Академии наук, продолжали свои труды И. П. Павлов, В. И. Вернадский,

Е. В. Тарле. Об обслуживании учёных в 1930-е гг. сохранились воспоминания Аристиды Ивановича Доватура – библиотекаря Отделения выдачи:

«Один раз было так. Я работал уже в Библиотеке Академии наук. Вдруг все библиотекари бросили всех читателей: оказывается, пришел академик Коковцов, ему нужна была брошюра “Как чинить граммофоны”. А когда приходил академик, они бросали все...» [2. С. 193].

В 1930-е гг. в БАН начинали свой исследовательский путь многие советские учёные, впоследствии достойно продолжавшие дело отечественной науки: А. Ф. Иоффе, Л. А. Орбели, И. А. Орбели, В. А. Обручев, И. Ю. Крачковский, В. П. Линник, В. М. Жирмунский, Н. В. Пигулевская, Д. А. Ольдерогге, А. И. Тудоровский и другие.

В 1940 г. общее число читателей достигло 4 170, и из них больше половины (71%) были неакадемические.

В годы Великой Отечественной войны, в тяжёлых условиях осаждённого города, Библиотека Академии наук не прерывала своей работы. В её залы приходили новые читатели – совсем непривычные: работники оборонных предприятий, медики, военнослужащие – за литературой, необходимой для организации защиты города, оказавшегося в блокадном кольце. По залам БАН гулял ветер, врываясь в разбитые при бомбёжках окна, стояли печки-буржуйки. А читатели, рискуя упасть от голода и не встать, по заснеженным улицам все равно упрямо шли в Библиотеку – источнику уверенности в победе.

Приведу ещё два примера.

В воспоминаниях о Владимире Яковлевиче Александрове – крупнейшем учёном в области общей биологии и цитологии, есть эпизод, относящийся к 1942 г., когда он служил военфельдшером санитарного взвода медсанбата 13-й стрелковой дивизии на Ленинградском фронте. *«Библиотека Академии наук работала и во время блокады, получая некоторые журналы даже из-за рубежа. В. Я., бывая в городе, заходил в БАН, где просматривал выставку новых поступлений и потом делился научными новостями с Д. Н. Насоновым. В самые последние дни перед началом войны они отправили в Швецию, в журнал “ActaZoologica” статью с изложением денатурационной теории. Каково же было их удивление – и восторг! – когда В. Я. увидел в БАНе номер этого журнала с их статьей. Ему разрешили принести этот номер на передовую, чтобы показать Д. Н.» [3. С. 27].*

Вот эпизод из жизни Библиотеки 1943 г.: *«Задумала писать “Историю русского исторического романа” (не меньше!). На саночках возила книги из*

Библиотеки Академии наук (БАН), где мне открыли индивидуальный абонемент. Тогда в полной мере осознала изумительную прозу Пушкина...», – вспоминает историк-архивист Ира Федоровна Петровская [4. С. 55].

Таких примеров можно привести много. Библиотека, работая в блокаду, увидела читателей в исключительной ситуации, когда предельно обнажались их мировоззрение и нравственность...

Сразу по окончании войны рост числа читателей БАН был бурным и отличался стабильностью. В 1946 г. зарегистрировано 5 372 читателя.

В 1950-е гг. Библиотека работала ежедневно с 9 до 23 часов (даже 31 декабря). Середина столетия ознаменовалась стремительным прорывом во всех областях научного знания: читатели Библиотеки – Ю. В. Линник, С. В. Калесник, М. М. Котон, А. Д. Сахаров и многие другие – вписали яркие страницы в историю науки.

В 1960 г. зарегистрировано уже 28 944 читателя, ежегодное увеличение в среднем – 1,5 тыс.

Обобщённый портрет читателя из второй ахматовской эпохи воспоминаний (середина XX в.) колоритно представлен в книге заведующей Отделом фондов и обслуживания *Татьяны Владимировны Зверевой* «Встреча с библиотекой на всю оставшуюся жизнь» (СПб. : БАН, 2016. – 267 с.). Она была старейшей сотрудницей БАН, проработала в Библиотеке более 60 лет! В качестве иллюстрации приведу только некоторые, наиболее запоминающиеся фрагменты из её книги.

«Индивидуальным абонементом пользовались в те годы академики В. И. Смирнов, А. Н. Несмеянов, В. А. Обручев, чл.-корр. Л. И. Красный (в 50-е годы академиком и чл.-корреспондентов (читателями) было 83, в 2000 – 32). Писатели А. А. Морозов, В. Львов, Л. И. Раковский, д. ист. наук М. Е. Сергиенко, аспирант А. Н. Кирпичников, ныне доктор исторических наук, руководитель археологических раскопок в Старой Ладозе. Общение с этими людьми было необыкновенно интересным и познавательным. Интересно было следить за их профессиональным ростом, научными достижениями» [5. С. 31].

В Библиотеке заботились о повышении библиотечной грамотности читателей, например разработали специальную программу экскурсий-семинаров. Им рассказывали о структуре Библиотеки, о том, с чего, где и как в каждом конкретном случае следует начинать поиск, как пользоваться каталогами и как правильно заполнить требование, чтобы не получить необоснованный «отказ».

Сошлюсь на отзыв одного из участников экскурсии, который он оставил 18 марта 1983 г. в «Книге отзывов» Главного читального зала:

«Я состою читателем БАН с 30-х годов, т.е. почти полвека. Казалось бы, должен знать то, что можно услышать на экскурсии БАН. И все-таки, посетив такую экскурсию 10.02.83 г., узнал много нового и интересного. Экскурсия была проведена О. М. Желтовой очень живо, собрала большое количество участников, принесла много пользы и удовольствия. Сведения, которые читатели получают на подобных экскурсиях, могут сберечь им силы и время. Для читателей ценно увидеть библиотеку глазами библиотечных работников, для сотрудников библиотеки – узнать запросы читателей. Подпись: Шифрин Ф.Ш., чит. № 096771, доцент, кандидат наук, участник Великой Отечественной войны и обороны Ленинграда» [5. С. 181, 182].

Особо хочется сказать о тех читателях, которые горячо откликнулись на нашу беду – пожар 1988 г. Они приходили с сумками и рюкзаками и забирали мокрые книги на просушку. Их было много, очень много: ректор ЛГУ С. П. Меркурьев, академик А. М. Уголев, доктор химических наук В. Э. Фельд, кандидаты наук А. М. Минакова, В. В. Борисов, С. В. Немилев (сейчас они уже давно доктора наук).

Сотрудница Института химии силикатов А. И. Ардита ежедневно приходила в БАН как на работу, переворачивала мокрые книги, развешенные на верёвках в коридоре 3-го этажа. В конце коридора стоял воздуходув, который подавал горячий воздух. Ада Иосифовна, заматанная в платок, как тень двигалась в этом тёмном, холодном, пропитанном запахом гари коридоре. Её никто об этом не просил – это была её добрая воля. Читателям, протянувшим руку помощи Библиотеке в трудный час, БАН выразила признательность особым образом: им предоставили пожизненное право пользоваться индивидуальным абонементом.

Т. В. Зверева отмечала:

«Наверно, было бы неправильно утверждать, что все читатели БАН были идеальными. К сожалению, среди них попадались и такие, которые могли, особенно при отсутствии возможности копирования, испортить книгу, грубо вырвав из неё нужные страницы или иллюстрации, а были и ворюжки, которые умудрялись выносить книги. Их тогда ловили, исключали из состава читателей, сообщали об этих фактах по месту работы и учебы. Интересно, что среди них были и стажеры, и даже доктора наук. Был такой случай, когда на контроле был задержан читатель с пачкой книг, которые он пытался вынести. Рядом оказалась сотрудница нашего Отдела О. М. Желтова. Он бросился бежать вместе с книгами, она – за ним. Добежав до набережной Макарова, он выбросил книги в Малую Невку. Спасти книги не удалось, ну а его выгнали из БАН с позором» [Там же. С. 32].

В сложных условиях, когда в Библиотеке под просушку были заняты не только рабочие помещения, но и коридоры, лестницы и чердаки, свободными оставались помещения Выставки новых поступлений (ВНП) и журнального зала. Спустя месяц после пожара (с 15 марта 1988 г.) эти помещения были открыты для читателей. Чтобы избежать лишних хождений по Библиотеке, для них на лестницах были установлены дежурные посты. С 15 марта по 29 апреля 1988 г. ВНП и журнальный зал посетило 15,5 тыс. человек, было просмотрено 198 тыс. изданий.

Несмотря на трудности и сопротивление властей и «защитников» культуры, БАН хотя и медленно, но восстанавливала обслуживание читателей. Всего за 1988 г. было принято 116 692 требования.

Портрет третий. Напомню заключительные строки стихотворения А. Ахматовой:

*И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не смогли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни...*

Распад Советского Союза, потрясение экономических и идеологических основ прежней жизни сказалось и на читателях БАН. Начался неуклонный спад их числа. Исчезли, пишет Т. В. Зверева, такие категории читателей, как лаборанты, стажёры-исследователи, младшие научные сотрудники, редко встречались инженеры, преподаватели. Появились новые категории: магистры, бакалавры, предприниматели, представители коммерческих структур и даже безработные. В 1995 г. насчитывалось 162 безработных, в следующем году – 221, в 1997 г. – 228. Читателями становились студенты вузов.

1993 г. стал кризисным по кадровой обеспеченности: из Отдела фондов и обслуживания уволились 36 человек. В 1995 г. сократилось поступление литературы. 1996 г. был ещё более тяжёлым. Сократилось финансирование на комплектование, почтовые расходы, коммунальные услуги, пожарную охрану. Прекращена регулярная выплата зарплаты. С февраля по апрель Библиотека работала четыре дня в неделю.

В 1997 г. ситуация улучшилась. Стали регулярно выдавать зарплату. Все показатели по ГЧЗ и индивидуальному абонементу повысились. Но так было только один год, потом снова начались перебои...

Вот так БАН входила в новое тысячелетие... Что же сегодня?

Данные за 2006 г. К сожалению, мы вынуждены констатировать факт сокращения числа читателей с 16,5 тыс. в 2000 г. до 10 тыс. в 2006 г.

Приведу сведения за 2017 г.: всего читателей – 11 807; в Центральной библиотеке – 4 221, в библиотеках сети – 7 586; средний возраст – 25–45 лет; читательский стаж – от 5 до 15 лет. В сфере научных интересов читателей преобладают филологические и исторические науки – 29%.

Как жить дальше?

Конечно, надо задуматься о том, как вернуть читателя в библиотеку. Хотя глобальные процессы информатизации, всеобщая компьютеризация объективно сдерживают читательскую активность не только в нашей Библиотеке, и не только в России...

Итак, за 304 года Библиотеку Академии наук неоднократно возносили на пьедестал, а затем также свергали с него. При этом не обращали внимание на то, что она постепенно превращается из национальной, академической по рождению в библиотеку с ведомственной судьбой. Отсюда – снижение её официального статуса, невозможность полноценного комплектования, расширения мировых контактов, МКО и потеря читателей.

Но, как свидетельствует опыт, Библиотека Академии наук умеет держать удар – пожар 1988 г. тому подтверждение. Я верю, убеждён, что для будущих поколений читателей она останется уникальным пропуском в прошлое, настоящее и будущее науки и культуры России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Ахматова А.** Стихотворения и поэмы / А. Ахматова ; сост., подгот. текста и примеч. В. М. Жирмунского. – Ленинград : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1976. – 558 с.

Ahmatova A. Stihotvoreniya i poehmy / A. Ahmatova ; sost., podgot. teksta i primech. V.M. Zhirmunskogo. – Leningrad : Sov. pisatel', Leningr. otd-nie, 1976. – 558 s.

2. **Доватур А. И.** Устные воспоминания / А. И. Доватур // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Вып. 5. – Санкт-Петербург : Дм. Буланин, 2014. – С. 177–224.

Dovatur A. I. Ustnye vospominaniya / A. I. Dovatur // Drevnijmir i my. Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii. Vyp. 5. – Sankt-Peterburg : Dm. Bulanin, 2014. – S. 177–224.

3. **Арронет Н. И., Лебедев Д. В.** Владимир Яковлевич Александров (1905-1955) : биограф. очерк / Н. И. Арронет, Д. В. Лебедев // Владимир Яковлевич Александров: биолог, мыслитель, боец. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 20–42.

Arronet N. I., Lebedev D. V. Vladimir Yakovlevich Aleksandrov (1905–1955) : biograficheskij ocherk / N. I. Arronet, D. V. Lebedev // Vladimir Yakovlevich Aleksandrov : biolog, myslitel', boec. – Sankt-Peterburg, 2001. – S. 20–42.

4. **Петровская И. Ф.** В конце пути / И. Ф. Петровская. – Санкт-Петербург : Петровский фонд, 1999. – 338 с.

Petrovskaya I. F. *V konceputi / I. F. Petrovskaya.* – Sankt-Peterburg : Petrovskijfond, 1999. – 338 s.

5. **Зверева Т. В.** Встреча с библиотекой на всю оставшуюся жизнь / Т. В. Зверева. – Санкт-Петербург : БАН, 2016. – 267 с.

Zvereva T. V. *Vstrecha s bibliotekoj na vsyu ostavshuyusya zhizn' / T. V. Zvereva.* – Sankt-Peterburg : BAN, 2016. – 267 s.

Valery Leonov, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Academic Director, Russian Academy of Sciences Library;

valleo@mail.ru

1, Birzhevaya lin., 199034 St. Petersburg, Russia